

ФЕНОМЕН «РУССКОЙ ПРАГИ»*

Алена Резвухина

Санкт-Петербургский государственный
университет

Цитирование: Резвухина А.И. Феномен «Русской Праги» // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 2. С. 205–211.

DOI: <https://10.31119/phlog.2018.4.10>

For citation: Rezvukhina, A.I. Fenomen “Russkoy Pragi” [Phenomenon of “Russian Prague”], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], 2018, No. 2, pp. 205–211.

DOI: <https://10.31119/phlog.2018.4.10>

Феномен «русской Праги» описывается в сравнении с другими центрами русского зарубежья в период между двумя мировыми войнами. Его особенности связаны с осуществляемой правительством Чехословакии программой поддержки эмигрантов («Русской акцией») – образовательным цензом и ориентированностью на привлечение в страну ученых, высококвалифицированных специалистов и учащихся высших учебных заведений. Для «русской Праги» характерно не только наличие большого числа эмигрантских образовательных учреждений и научных объединений, но и включенность большей части русской диаспоры в образовательный процесс. Статус «русской Праги» как образовательного центра выразился в самоназваниях «Русский Оксфорд» и «Русские Афины». Анализируется «образовательная утопия» эмигрантского сообщества, рассматриваются и другие характеристики «русской Праги»: роль «перекрестка» при переезде из России в страны Западной Европы; «ближнего зарубежья» как славянской страны; претензии на политический статус в связи с наличием еще дореволюционных связей среди представителей политической элиты Чехословакии; расположение в центре Европы, в месте пересечения различных национальностей и культур, стимулирующее размышления над вопросами межнационального и межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: русская межвоенная эмиграция, русская эмиграция в Праге, русское зарубежье, эмиграция.

The article is dedicated to the phenomenon of the “Russian Prague” in comparison with other centers of the Russian diaspora in the inter-war period. Its characteristics are in many ways explained by the special program of the Czechoslovakia government for support of Russian emigrants (“Russian Action”) – preferences for persons with high education level, the aim to recruit scientists, highly skilled professionals and students. Thereby for Russian Prague not only a considerable number of different emigrant educational institutions was significant, but also the incorporation of the main part of the Russian diaspora in Prague into the educational process. The status of the educational center of the Russian diaspora was expressed through such self-designations as “Russian Oxford” or “Russian Athens”. The emigrant “educational utopia” and some other characteristics of the “Russian Prague” are considered: the role of the “crossroad” when moving from Russia to countries of the West Europe, the place to choose a further life path; the perception as a “near abroad”, as a Slavonic country; ambition to be a political center because of the pre-revolutionary relationships between some members of the political elite of the Czechoslovakia, who had opportunity to render assistance; the position in the centre of Europe, in the crossing point of different nationalities and cultures, which stimulated reflection on the problems of international and intercultural interaction.

Keywords: Russian inter-war emigration, Russian emigration in Prague, Russian diaspora, emigration.

* Статья написана в рамках гранта РФФИ «Топология культурной памяти в диалоге поколений» (№ 19-011-00775).

В сложной географии Русского Зарубежья, этой «страны без территории», существующей вне границ – или, скорее, поверх границ – «русской Праге» в 20-е и 30-е гг. XX в. выпала роль одной из «столиц», в одном ряду с «русским Парижем», «русским Берлином» и «русским Белградом». Благодаря «русской акции», гуманитарной программе материальной и организационной помощи, осуществляемой при поддержке политической элиты Чехословакии и по инициативе первого президента страны Т. Г. Масарика, в Прагу в поисках пристанища, подходящих условий для жизни и продолжения деятельности устремились тысячи эмигрантов из России. Чтобы составить представление о размерах оказываемой помощи, приведем следующие данные: в 1924 г. ежемесячные расходы на «русскую акцию» составили 7 млн. чешских крон, что превышало сумму расходов, выделяемому на помощь русским беженцам всеми остальными европейскими государствами, а общая сумма расходов возрастала с 10 млн. крон в 1921 г. и вплоть до 300 млн. крон в 1926 г., после чего начала сокращаться в связи с общим экономическим кризисом [3, с. 24]. К специфике «русской акции» относилось то, что она, при своей финансовой щедрости, не была ориентирована на всех нуждающихся, а носила ярко выраженный целевой характер. Основными получателями помощи должны были стать ученые, деятели искусства, инженеры и квалифицированные технические специалисты, а также учащаяся молодежь, желающая продолжить образование.

Результатом такого «образовательного ценза» стало то, что преобладающее число эмигрантов, оседавших в Чехословакии и, в особенности, в Праге, было так или иначе связано с образовательной деятельностью, в качестве научных сотрудников, преподавателей или студентов. Правительство Чехословакии оказывало значительную поддержку в организации различных учреждений высшего, школьного и дополнительного образования. Среди образовательных и научных учреждений, существовавших в Праге в разные годы, можно назвать следующие: Русский народный университет (позднее переименован в Русский свободный университет), Русское историческое общество, Русское высшее училище техников путей сообщения, Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского, Русский юридический факультет, Институт им. Н. П. Кондакова, Русский заграничный исторический архив и т.д. [2, с. 31] «Русская Прага» стала также центром педагогической мысли – к примеру, большое значение имело находившееся здесь Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы. В связи со сформировавшимся в ней научно-преподавательским сообществом «русская Прага» (прежде всего в 1920-е гг., в эпоху своего расцвета) воспринималась как «образовательный центр» Русского Зарубежья, или же, выражаясь более поэтично, как «русские Афины» или «русский Оксфорд».

В таком самоназвании отражалась и закреплялась одна из основных составляющих образа «русской Праги» – как не только и не

столько места нахождения системы образовательных и научных центров, а как «университета» в самом широком смысле этого слова, специфического пространства сохранения и передачи знаний и культурного наследия, работы научной мысли, образования и воспитания новых поколений. Такое восприятие придавало «русской Праге» особый статус, так как к важнейшим задачам, которые ставило перед собой Русское Зарубежье, неизменно относилась подготовка деятелей для «новой России», способных возродить государственность и культуру в стране, возвращение в которую представлялось вопросом более или менее отдаленного будущего. Более того, сама эмиграция в целом могла мыслиться как своего рода «университет» или «школа», которую необходимо пройти, учась на ошибках прошлого, проходя испытания, приобретая новые знания и опыт. Вследствие этого, до определенной степени преодолевалась травма недобровольной оторванности от происходящего в родной стране, ведь годы изгнания следовало считать не потерянными, а плодотворно использованными. Таким образом, можно было осмыслить опыт эмиграции как уникальную возможность осуществить нечто в историческом процессе, как правило, невозможное – по-настоящему, осознанно, основательно, на научных основах подготовиться к будущим событиям.

Такая «образовательная утопия» составляла само средоточие «русской Праги», отражалась на большинстве значительных явлений в ее жизни – и невозможно не обратить внимание на то, как эти замыслы любопытным образом перекликались с осуществившимися в это же время в Советской России образовательными проектами. Деятельность образовательных учреждений Русского Зарубежья предполагала не просто попытку сохранения и воспроизводства в условиях эмиграции традиций дореволюционной системы образования. Не меньшее значение должно было уделяться «работе над ошибками», исправлению того, что понималось как отрицательные явления в дореволюционной общественной жизни и в чем находили причину произошедшей революционной катастрофы. Таким образом, представляется допустимым говорить о двух параллельных и конкурирующих планах создания «нового человека» – реализуемых на разных основах и с принципиально различным отношением к предшествующей традиции, но объединенных представлением о том, что уникальная историческая ситуация требует появления такого человека, который мог бы действовать в новых, радикально изменившихся условиях, а осуществление всех остальных планов и проектов, относимых к будущему, связано с тем, насколько удастся осуществить эту «образовательную утопию».

Разумеется, подобный параллелизм «образовательных утопий» следует рассматривать в связи с тем, что Русское Зарубежье зачастую мыслилось как «Россия вне России», как правомерная наследница дореволюционной России, и, в противопоставлении с Советской Россией, как «подлинная», «настоящая» Россия. Для «русской Праги» в

полной мере характерно свойственное всем центрам эмиграции первой волны мучительное сомнение насчет того, какая же из «двух Россий» является «подлинной» – та, которая осталась в своих прежних географических границах, или та, которая оказалась «в рассеянии» и сохранялась прежде всего в самом сознании эмигрантов. Восприятие себя как единственных наследников «старой России», единственных хранителей русской культуры, в то время как в Советской России подлинная культура погибает и деградирует, находило выражение как в гордости своей исторической миссией, так и в ощущении ответственности не только за собственное выживание, но и за выживание всей культуры. С другой стороны, тяжелые условия эмигрантского существования постоянно ставили под вопрос возможность такого самовосприятия, в особенности с течением лет, когда надежды на скорое изменение положения дел в родной стране не торопились сбываться. Ситуация «промежуточности», «потерянности» между двумя мирами приводила к тому, что для эмигрантов такие понятия как «родина» и «дом» не просто приобретали противоречивый характер, но и соединяли в себе почти полностью противоположные черты: реальность и нереальность, отнесенность одновременно к потерянному прошлому и к желанному будущему, принципиальную недостижимость и доказываемую, прежде всего, самим себе способность сохранять «дом» и «родину» в самих себе [4, с. 41].

В связи с претензиями Русского Зарубежья на право выступать в качестве легитимных правопреемников дореволюционной России и продолжателей русской культуры, «русская Прага», по крайней мере в 1920-е гг., оказалась в достаточно выигрышном положении. Сама по себе масштабность «русской акции» была связана с тем, что правительство Чехословакии в значительной степени признавало эти претензии – и, более того, рассчитывало на то, что оказывает помощь весомым политическим и общественным силам будущей демократической России. У политических элит Чехословакии были достаточно веские причины не преуменьшать значение деятелей русской эмиграции – ведь многие из них, стоявших у истоков новообретенной чехословацкой государственности, годы Первой мировой войны провели в эмиграции или активно участвуя в нелегальном сопротивлении, а в своей деятельности опирались в том числе на чешскую и словацкую диаспоры (к примеру, в США и Канаде), которые могли оказывать соотечественникам на родине не только идейную, но и значительную финансовую помощь. Если же обратиться к более далекому прошлому, Чехословакия сама была страной, из которой вышло несколько волн массовой эмиграции, связанной с религиозными и национальными преследованиями – и здесь помнили, в том числе, и о том, что общины чехов и словаков в эмиграции, с одной стороны, могли рассчитывать на помощь и поддержку в других странах и, с другой стороны, до определенной степени сохраняли возможность влиять на

ситуацию на родине, в том числе через сохранение культурной преемственности, книгопечатания и т.д.

Поэтому для феномена «русской Праги» большое значение имело то, что в течение достаточно долгого времени эмигрантов здесь воспринимали как легитимный «голос России» в том числе на самом высоком государственном уровне, с многими представителями которого, ввиду их многолетних связей с Россией, можно было общаться на русском языке. Достаточно насыщенными и отличавшимися интересом с обеих сторон оставались и контакты «русской Праги» с окружающим ее чешским обществом. Российские ученые поддерживали контакты со своими чешскими коллегами, многие из них получали возможность преподавать в чешских университетах, оказывались включенными в местную академическую среду [5]. Значительное количество студентов эмигрантских образовательных учреждений параллельно обучались в чешских университетах, в свою очередь, курсы при российских университетах посещали даже представители МИД Чехословакии. Популярностью у широкой общественности пользовались курсы русского языка и многочисленные публичные лекции российских ученых, способствующих популяризации русской науки и культуры [1, с. 18]. Такая «нежесткость» межкультурных границ облегчала положение эмигрантов, сглаживала ощущение оторванности от окружающей действительности (как это происходило и в балканских странах, где близость языковой и культурной среды также помогала успешнее адаптироваться).

Тем не менее, специфический межкультурный барьер, бесспорно, существовал. В каком-то отношении родственность культур и языков заставляли только еще сильнее ощутить диссонирующие различия. В результате окруженность «похожим», «родственным», слишком очевидное сходство при одновременно отчетливо ощутимых различиях парадоксальным образом пробуждала еще большую тоску по утраченному, чем если бы окружение оставалось чуждым и непонятным. Также необходимо отметить и то, что наряду с заинтересованностью и декларированием родственности русской и чешской культур зачастую существовало и определенное пренебрежение по отношению к малочисленности чешского народа, воспринимаемого как не столь исторически значимый в сравнении с «великими» европейскими нациями (такими как французы, англичане или немцы), которые, несмотря на большую культурную отчужденность, легче было воспринимать, во-первых, как равных, а во-вторых, как силу, с которой можно связать свои надежды на будущее [6, с. 98–109]. В связи с этим «русская Прага» могла называться «русским Оксфордом» еще и в том смысле, что годы, прожитые в ней, зачастую играли в жизни эмигрантов ту же роль, какую имеют обычные университетские годы – подготовительного времени, важного, но промежуточного этапа между окончанием одной жизни и началом другой, которая будет проходить уже в другом окружении, других городах, других странах.

Таким образом, на восприятие «русской Праги» как «университетской столицы», «русского Оксфорда», «места приготовления» накладывалось ее восприятие как «перекрестка» – места выбора дальнейшего пути, места пересечения различных пространств и направлений возможного движения. В 1920–1930-е гг. Прага в самом деле, как никогда прежде, становилась местом пересечения различных «культурных миров», в качестве одного из которых выступала и «русская Прага». В те годы в этом городе в центре Европы осмысливалось и перерабатывалось наследие Австро-Венгрии, осуществлялся эксперимент по построению национального государства в сложной межнациональной обстановке, взаимодействовали чешская, немецкая, словацкая, еврейская, венгерская и другие культуры. Такое взаимодействие порождало ситуацию, богатую разнообразными возможностями, в том числе для творчества и научных исследований. К примеру, успех Пражского лингвистического кружка и в целом разработки в Праге концепций в области лингвистики и литературоведения можно связывать в том числе и со спецификой существовавшей там лингвистической и культурной ситуации, предоставлявшей богатый материал для исследований и «не позволявшей не рефлексировать над языком» [7, с. 81].

Литература

1. Волошина В.Ю. Статус и роль народных университетов в русском зарубежье в 1920-е годы // ОНВ. 2009. № 6 (82).
2. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012.
3. Паишито В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.; Л.: Наука, 1992.
4. Цепенникова А.Н. Трансгрессия концепта «Дом» в литературе эмиграции четвертой волны // Уральский филологический вестник. Серия «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». 2014. № 4.
5. Mach J. Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze 1923–1945 // National Library of the Czech Republic. URL: text.nkp.cz/slovanska-knihovna/odborne-cinnosti-publikace/odborne-projekty/prague-perspectives1/obsah-s-resume-v-cestine/res-mach.
6. Pospíšil I. Art Quintessence of Prague Emigrant's Experience in Novel "Tundra" by Eugene Liatsky // Pitannâ literaturoznavstva. 2015. No. 91.
7. Tikhonov G. Why Did Modern Literary Theory Originate in Central and Eastern Europe? (And Why Is It Now Dead?) // Common Knowledge. 2004. No. 10.

Rezvukhina, Alyona I. *Phenomenon of "Russian Prague"*

References

1. Voloshina, V.Yu. Status i rol' narodnykh universitetov v russkom zarubezh'ye v 1920-ye gody [The status and the role of public universities in the Russian abroad in the 1920s], in *ONV*, 2009, No. 6 (82).

2. Kovalev, M.V. *Russkiye istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* [Russian émigré historians in Prague (1920–1940)], Saratov: Saratov State Technical University, 2012.
3. Pashuto, V.T. *Russkiye istoriki-emigranty v Yevrope* [Russian émigré historians in Europe], Moscow, Leningrad: Nauka, 1992.
4. Tsepennikova, A.N. Transgressiya kontsepta “Dom” v literature emigratsii chetvertoy volny [Transgression of the concept “House” in the fourth wave emigration literature], in *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya “Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya”* [Ural Philological Bulletin. Series “Russian literature of the 20th–21st centuries: directions and trends”], 2014. No. 4.
5. Mach, J. Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze 1923–1945, in *National Library of the Czech Republic*. URL: text.nkp.cz/slovanska-knihovna/odborne-cinnosti-publikace/odborne-projekty/prague-perspectives1/obsah-s-resume-v-cestine/res-mach.
6. Pospíšil, I. Art Quintessence of Prague Emigrant's Experience in Novel “Tundra” by Eugene Liatsky, in *Pitannâ literaturoznavstva* [Questions of literary studies], 2015, No. 91.
7. Tikhonov, G. Why did modern literary theory originate in Central and Eastern Europe? (And why is it now dead?) // *Common Knowledge*. 2004. No. 10.